

Ю. С. Никифоров

Происхождение и характер Первой мировой войны в либерально-патриотическом дискурсе историков «русской школы» (1914–1916 гг.)

Статья посвящена восприятию историками «русской школы» начального этапа Первой мировой войны. В центре внимания находятся выдающиеся историки конца XIX – начала XX в.: П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский. Стержневая проблема исследования – предпосылки, причины и перспективы Великой войны 1914–1918 гг. Методологическую основу исследования составляет антропологическая парадигма исторической науки. На примере отдельных представителей «русской исторической школы» рассматривается влияние мирового вооруженного конфликта на творчество научного исторического сообщества. Анализируется восприятие и оценка учеными-историками событий 1914–1915 гг. Влияние глобальной войны на сообщество историков рассматривается в творческом и экзистенциальном измерениях.

Через анализ происхождения Первой мировой войны в публикациях историков «русской школы» сделана попытка конструирования их идеологических ценностей. В исследовании были проанализированы отдельные труды историков «русской школы», источники личного происхождения – мемуары, материалы периодической печати, а также историографические источники. В проблемном поле историографии рассматриваются такие причины и предпосылки войны, как империализм центральных держав германо-австрийского блока, амбициозный и агрессивный характер немецкой внешней политики, слабость гражданского общества европейских стран, ментальные противоречия России и Германии, французский реваншизм, германская промышленная и торговая экспансия, складывание предвоенных союзов великих европейских держав.

Анализируются составляющие либерально-патриотического дискурса представителей «русской исторической школы» в 1914–1916 гг.: конструирование образа врага, Россия и ее союзники, мечты историков о конституционном устройстве Российской империи, принцип свободы политического самоопределения наций, мысли о справедливом геополитическом устройстве послевоенной Европы, идеи пацифизма и демократического контроля над международными отношениями.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, историки «русской школы», П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, дискурс, патриотизм, либеральные ценности, Антанта, Тройственный союз, образ врага, происхождение войны.

Yu. S. Nikiforov

Origin and Character of the First World War in Liberal-Patriotic Discourse of Historians of "the Russian School" (1914–1916)

The article is devoted to the perception of the historians of "the Russian school" of the initial stage of the World War I. In the centre of attention are outstanding historians of late XIX century – early XX century – P. G. Vinogradov, N. I. Kareev, M. M. Kovalevsky. The key issue of the research is background, causes and prospects of the Great War 1914–1918. The methodological basis of the research is an anthropological paradigm of the historical science. On the example of some representatives of "the Russian historical school" is considered the impact of the global armed conflict on the work of the scientific historic society. The perception and evaluation of events in 1914–1915 by historians are analyzed, the influence of the Global War on the community of historians is reviewed in creative and existential aspects. By means of the analysis of the origins of the First World War in publications of historians of "the Russian school" an attempt to design their ideological values was made. The study analyzed individual works by historians of "the Russian school", sources of the personal origin – memoirs, periodicals, and historiographic sources. In the problem field of historiography are considered such reasons of the war as imperialism of the central states of the German-Austrian unit, ambitious and aggressive character of the German foreign policy, weakness of the civil society in European countries, mental contradictions of Russia and Germany, French revanchism, the German industrial and trade expansion, formation of prewar unions of great European countries.

Are analyzed components of the liberal-patriotic discourse of representatives of "the Russian historical school" in 1914–1916, construction of the image of the enemy, Russia and its allies, dreams of historians about the constitutional structure of the Russian Empire, the principle of freedom of political self-determination of nations, the idea about a fair geopolitical structure of post-war Europe, ideas of pacifism and democratic control over international relations.

Keywords: the World War I, the Great War, historians of "the Russian school", P. G. Vinogradov, N. I. Kareev, M. M. Kovalevsky, discourse, patriotism, liberal values, Entente, the Triple Alliance, the image of the enemy, the origin of the war.

Продолжая исследование бинарной проблемы – «ученый в контексте Первой мировой войны и Первая мировая война в жизни историка», предпринятое в предыдущем номере «Ярослав-

ского педагогического вестника» [13], обратимся к проблеме происхождения и последствий Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в интерпретации историков «русской школы».

Вопрос о предпосылках Первой мировой войны особенно рельефно представлен в творческом наследии П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевского [3, с. 342–351; 9, с. 441–485], но нашел отражение и в научных работах Н. И. Кареева. Так, Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский, наряду с другими известными российскими учеными начала XX в., приняли активное участие в издании сборника «Вопросы мировой войны», опубликовав в нем статьи, посвященные детальному разбору отдельных факторов, спровоцировавших мировой конфликт. Н. И. Кареев в одной из статей проследил генезис международных отношений на примере союза великих европейских держав [6], а в другой проанализировал польский вопрос [7]. М. М. Ковалевский подробно остановился на проблеме империализма как предпосылке войны [10]. Кроме того, для М. М. Ковалевского было характерно активное обращение к событиям Первой мировой войны в мемуарах, что было связано с глубокими субъективными переживаниями историка во время интернирования в Австро-Венгрии в 1914–1915 гг. Другой историк «русской школы» – П. Г. Виноградов в серии статей, которые исследователь А. В. Антощенко объединил под названием «Россия и «Армагеддон», обращался к темам психологии российской нации, английского общественного мнения, проблеме русских военнопленных и послевоенного устройства мира и, конечно же, давал свою оценку причин Первой мировой войны [4, с. 305–377]. Важно отметить, что обращение к теме причин Первой мировой войны для историков «русской школы» во многом было связано с их гуманистическим мировоззрением. По словам П. Г. Виноградова, «даже успешная война едва ли окупит ее жертвы... важно рассмотреть мотивы и причины, которые вызвали нынешний Армагеддон для того, чтобы принять по возможности меры против его повторения» [3, с. 342].

Надо сказать, что вопрос о предпосылках и причинах Первой мировой войны 1914–1918 гг. до сих пор является одним из самых дискуссионных в историографии, несмотря на огромное количество исследований. В последнее время в современной историографии Первой мировой войне уделяется все больше внимания [1, 2, 5, 11, 10, 12, 13, 14, 15, 17–22]. По справедливому замечанию президента Российской ассоциации историков Первой мировой войны Е. Ю. Сергеева, «необходимо различать долговременные тенденции международных отношений и непосредственные причины кризиса лета 1914 г.» [15, с. 5]. На глу-

бокие корни Первой мировой войны указывал в частности П. Г. Виноградов: «Нынешний Армагеддон является следствием долгого периода вызревания» [3, с. 349]. В настоящей статье решаются две задачи. Во-первых, проанализировать воззрения историков «русской школы» (П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского) на происхождение, характер и последствия Первой мировой войны как с точки зрения долговременных тенденций международных отношений, так и в контексте событий 1914 г. Во-вторых, будет предпринята попытка реконструировать составляющие дискурса, «обстоятельства обсуждения, порождающие знание» [16, с. 9] историков «русской школы» вокруг Первой мировой войны. Хронологические рамки вопросов, рассматриваемых в статье, ограничиваются, главным образом, 1914–1916 гг., что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, это уход из жизни одного из крупных историков «русской школы» – смерть М. М. Ковалевского в 1916 г. Во-вторых, 1916 г. – это определенный рубеж в развитии России, последний год перед революциями 1917 г., события которых, безусловно, повлияли на оценку событий Великой войны историками.

Итак, обратимся, в первую очередь, к *долговременным тенденциям международных отношений*, вызвавшим, с точки зрения историков «русской школы», Первую мировую войну. Историки «русской школы» анализируя причины войны, моделировали и возможные *сценарии завершения мирового конфликта*. Так, М. М. Ковалевский в одной из своих статей [10], выдвинув *две версии причин войны*, попытался также сконструировать негативный для стран Антанты сценарий войны. Во-первых, в качестве фактора войны он указывал на «*борьбу национальностей*», характерную для эпохи «создания единства Италии и Германии», ставя во многом риторический вопрос: «Видим ли мы в современном нами столкновении народов стремление к переустройству Европы по национальному принципу?». Во-вторых, М. М. Ковалевский выделял и в большей степени придерживается такого фактора войны как «*империализм*», который трактовался ученым как стремление великих держав, прежде всего центрально-европейских (Германии и Австро-Венгрии), усилить свои национальные империи через полное поглощение более мелких народов. По этому поводу М. М. Ковалевский писал: «Мир распадется на небольшое число не всегда объединенных политической связью, а одной только общностью интересов и политики, импе-

рий». В качестве примера будущей такой империи (в случае победы центральных держав) ученый называл «германо-австрийский мир с тяготеющими к нему Венгрией, Польшей, балканскими народами, за исключением сербов, турками, Италией и Бельгией, уже признаваемой частью германской федерации». При этом историк оставлял возможным сохранение и даже развитие англо-американского мира, а также значительно урезанной в размерах России без Польши, Финляндии и Прибалтики [10, с. 558–559]. Когда в 1914–1915 гг. М. М. Ковалевский писал рассматриваемую статью, он, наверное, не мог даже предположить, каким пророческим, к сожалению для России, окажется его прогноз. Как известно, великий ученый не дождал до Брестского мира, лишившего Россию плодов будущей победы Антанты, достигнутой в 1918 г. на западном фронте.

Еще один историк-англовед «русской школы» – П. Г. Виноградов, рассуждая о причинах войны, придерживался в этом вопросе комплексного подхода. Он отмечал, что «необходимо принять в расчет не только материальные, но и психологические факторы» [3, с. 343]. Историк достаточно четко выделял две группы долговременных причин, способствовавших вызреванию мирового конфликта. Во-первых, *агрессивный и амбициозный характер немецкой внешней политики на рубеже XIX–XX вв.* П. Г. Виноградов по этому поводу писал, что «в Германии остро ощущали, что ей не досталось достойного места под солнцем». Ученый указывал на *бинарное направление агрессии Германии* и раскрывал ее сущность: «Немецкая политика свелась к тому, чтобы бросить вызов двум мировым державам одновременно: она вступила в конфликт с Россией, чтобы предотвратить будущее развитие этой империи; она вступила в конфликт с Англией, чтобы занять то место, которое в прошлом занимала Британская империя» [3, с. 344]. Позднее, во второй половине XX в. немецкий историк Ф. Фишер метко охарактеризовал эту внешнюю политику как «рывок к мировому господству», проводя линию преемственности между кайзеровской и нацистской Германией [23]. Однако для П. Г. Виноградова «экономическое соперничество само по себе недостаточно, чтобы оправдать ужасную войну» [3, с. 345].

Во-вторых, ученый уделяет много внимания *психологическому фактору*. С одной стороны, П. Г. Виноградов, находясь в плену своих либеральных воззрений, усматривает один из психологических факторов Первой мировой войны в

слабости гражданского общества в большинстве европейских стран: «История нынешнего начала войны является доказательством... узкого кругозора большей части общественного мнения и практической бессмысленности демократического контроля». С другой стороны, ученый обращается к *ментальным предпосылкам* Первой мировой войны. Он считал, что этот фактор был определяющим в противоречиях между Россией и Германией: «В случае с Россией и славянским миром экономический фактор не играл решающей роли; это была превентивная война, она была следствием расовых чувств». По его мнению, в Германии превалировала идея «развязать войну, чтобы предотвратить конфликт в будущем при менее благоприятных условиях» [3, с. 346]. На *агрессивно-превентивный характер войны со стороны австро-германского блока* указывает и Н. И. Кареев [6, с. 47]. В интерпретации П. Г. Виноградова ведущая идея агрессии против России – «расовый антогонизм между тевтонами и славянами» [3, с. 346].

К психологии стран-участниц Первой мировой войны с точки зрения долговременных тенденций международных отношений обращается и М. М. Ковалевский: «На расстоянии же четырех месяцев со времени открытия военных действий становится все более очевидным, что война создана тем психологическим состоянием, какое вызвано было, с одной стороны, более 40 лет поддерживаемым во Франции желанием воссоединить отнятые у нее провинции, с другой – вековым стремлением России к открытому морю и участию в мировой торговле, наконец, с третьей – опасением Англии, что Германия вырывает из ее рук господство над морями и, побеждая ее в сфере промышленности и торговли, грозит захватить в близком будущем не только часть английских колоний, но и главнейших рынков, не исключая и тех, которые лежат в самой Англии» [9, с. 459]. Из цитаты можно заключить, что для М. М. Ковалевского Первая мировая война – это следствие клубка геополитических противоречий, завязанных на французском реваншизме, российских геополитических амбициях, германской промышленной и торговой экспансии, английском консерватизме и зависти.

Складыванию предвоенных союзов великих держав как предпосылке Первой мировой войны уделил основное внимание Н. И. Кареев. Ученый задавался вполне закономерным вопросом: «Как Россия вступила в союз с двумя державами, от которых была очень далека по своим внутренним

порядкам и с которыми приходила в столкновения по вопросам международной политики. Какие причины произвели столь важную переменную?» [6, с. 25]. И действительно, как мог сложиться столь парадоксальный, на первый взгляд, союз самодержавной России сначала с республиканской Францией, а затем с конституционной Великобританией – государствами, с которыми у Российской империи были серьезные геополитические противоречия (особенно с Великобританией)? Отвечая на поставленный вопрос, Н. И. Кареев акцентирует внимание на *германофобии как ключевом факторе складывания Антанты*. Говоря о сближении Франции и России, он пишет, что «к образованию союза самодержавной России и республиканской Франции» привела «агрессивная политика Германии». Аналогичный фактор указывается Н. И. Кареевым в качестве причины вхождения Великобритании в Антанту: «Немецкая опасность заставила и Англию выйти из своего “блестящего уединения” и покончить старые счеты с Францией для борьбы с германской мировой политикой» [6, с. 25].

Что касается *кратковременных факторов Первой мировой войны*, то здесь стоит остановиться на мнении П. Г. Виноградова. Говоря о роковых событиях лета 1914 г., связанных с убийством эрц-герцога Франца-Фердинанда в Сараево, он уверенно утверждает, что «австрийский ультиматум Сербии был провокацией, направленной против ее естественного покровителя России... Сербия и Россия проявили чрезмерное терпение» [3, с. 342]. Как видно из цитаты, ответственность за развязывание конфликта ученый целиком и полностью возлагает на Австро-Венгрию и, напротив, подчеркивает благородство России и Сербии. В целом для историка характерна крайне негативная, а порой и *унизительная характеристика Австро-Венгрии с одновременным конструированием положительного образа России в духе патриотического нарратива*. Так, П. Г. Виноградов утверждает: «Политика Австро-Венгрии совершенно эгоистичная и реакционная по своей природе. Ей удавалось добиться успеха лишь благодаря коварству и случайности, но к балканским народам она всегда относилась с презрением превосходства» [3, с. 344]. В другом месте П. Г. Виноградов называет Австрию «прислужницей Германии» и упрекает в неблагодарности, памятуя об австрийской позиции во время Крымской войны 1853–1856 гг. [3, с. 343]. Страны Тройственного союза именуются П. Г. Виноградовым «коварным противником», который

«готовил полное ниспровержение европейской системы» [3, с. 350].

Напротив, обрисовывая внешнеполитическую линию России, ученый акцентирует внимание читателя на ее *альтруистических мотивах*, хотя и не отрицает *имперских составляющих российской экспансии* на Балканах: «Политика России, помимо обычных мотивов амбиций и престижа, имеет цель – освобождение и восстановление угнетенных народов Балканского полуострова» [3, с. 344]. Далее П. Г. Виноградов подмечает деталь, с которой трудно не согласиться: «За агрессивными авантюрами Австро-Венгрии всегда стояла Германия» [3, с. 344]. Что характерно, прием антитезы красной линией проходит через всю статью Виноградова, посвященную Великой войне. Противопоставление положительного образа стран Антанты демонизированному образу Тройственного союза делает оценку событий Первой мировой войны П. Г. Виноградовым порой чрезмерно субъективной. В схожем ключе рисует противостояние Антанты и Тройственного союза Н. И. Кареев. Рассуждая о целях союзов воюющих сторон, Н. И. Кареев отмечает, что «союз России и Франции направлен на обеспечение европейского мира», а «Германия стремилась к одному – к мировому владычеству, и это делало ее союз с Австро-Венгрией союзом агрессивным» [6, с. 47].

Историки «русской школы» большое внимание в своих публикациях 1914–1916 гг. уделили восприятию Первой мировой войны немецкими обывателями и освещению ее причин германской прессой и профессурой. С точки зрения П. Г. Виноградова, одним из доминирующих настроений значительной части немецкого общества, активно насаждаемым местными журналистами и учеными, были «мечты о расчленении России и изгнании униженной Московии с берегов Балтийского и Черного морей» [3, с. 346]. По словам М. М. Ковалевского, в просвещенных немецких кругах преобладающей причиной войны называется заговор коварного Альбиона против Германии и Австро-Венгрии: «Война вызвана заговором, устроенном против обеих немецких империй не кем другим, как Эдуардом VII, этим величайшим завистником и интриганом, в этом отношении вполне сыном своей родины, который не может простить Германии быстрого роста ее промышленности и морской торговли» [9, с. 441]. По этому поводу другой историк «русской школы» – П. Г. Виноградов лаконично и категорично резюмирует: «Немецкие утверждения

о причинах войны можно считать как лицемерный обман» [3, с. 342]. Далее М. М. Ковалевский обращается к проблеме конструирования образа врага немецкими публицистами и учеными: «Раскройте сборник профессорских статей, посвященных обсуждению различных сторон переживаемого нами момента, эти, как значится на обложке, заявления немецких и австрийских профессоров истории по поводу настоящей войны. О чем говорится в них с особенной охотой... о том, что настоящий враг не кто иной, как Англия» [9, с. 441]. Немецкая профессура, в интерпретации М. М. Ковалевского, конструирует образ Англии – агрессора, ненасытного в своей мировой экспансии. Само существование Британской империи – уже угроза миру, по мнению немецких публицистов: «Причиной... является ее [Англии. – Ю. Н.] стремление ко всемирному господству... только сокрушив ее, можно рассчитывать на восстановление прочного мира в Европе» [9, с. 441]. В другой своей публицистической статье историк приводит еще более четко позицию германской общественности о причинах Первой мировой войны: «Настоящая война вызвана завистью к величию германской империи и политической окружения центральных монархий Европы врагами» [10, с. 557]. Наконец, еще один излюбленный тезис германских публицистов, по словам М. М. Ковалевского, – это альтруистическая борьба Германии с британским морским владычеством, дабы «доставить торжество принципу свободы морей» [10, с. 554].

Сам же М. М. Ковалевский придерживается, естественно, иной (полярной) позиции относительно характера и целей Великой войны. Находясь на патриотических позициях, он говорит о необходимости «сохранить наследие предков одинаково в Франции, Англии, Бельгии и Сербии от нескрываемого желания перекроить Европу в интересах господства немецкой нации», а Германию именует «исконным врагом славянства» [10, с. 561]. Однако общий патриотический дискурс высказываний М. М. Ковалевского вполне отчетливо переплетается с внутренне присущими историку либеральными ценностями и даже элементами радикализма. Так, М. М. Ковалевский тесно связывает победу Антанты в Великой войне с торжеством либеральных ценностей не только в Европе, но и в России. Поражение России и ее союзников от блока центральных держав увязывает с политическим регрессом, реакцией и отказом от парламентаризма и демократии. Он пишет, что «от усиленной Германии ни русскому

либерализму, ни идее народного самоуправления не приходится ждать ничего» [10, с. 560]. М. М. Ковалевский пафосно и торжественно резюмирует, что «полная солидарность всех граждан империи, общее отстаивание русскими и поляками независимости славянских народов... способны обеспечить и свободу политического самоопределения, и развитие начал свободного представительного строя» [10, с. 561]. В этом высказывании Ковалевский-патриот явно уступает позицию Ковалевскому-либералу, мечтающему о конституционном устройстве Российской империи.

Особенно либеральный дискурс Ковалевского заметен, когда ученый рассуждает на темы парламентаризма, «*принципа свободы политического самоопределения мелких национальностей*» (сербов, бельгийцев), необходимости применения данного принципа «по отношению к иноплеменным частям Русской империи», а также предоставления автономий национальным окраинам» [10, с. 560–561]. Аналогичную позицию по данному вопросу занимал и такой историк-либерал «русской школы», как П. Г. Виноградов, который утверждал, что «свободное развитие национальности составляет наиболее сильный мотив политических действий» [3, с. 347]. Правда, *геополитическая позиция* П. Г. Виноградова по «свободному развитию национальностей» носила двойственный и явно субъективный характер. В этом можно убедиться из следующих слов историка: «Национальностям не следует мешать в развитии их культурных особенностей и поисках своего пути спасения, но при урегулировании границ реконструированной Европы невозможно было бы выкроить государство единственно и полностью по национальному образцу. Пример: Турция и Австро-Венгрия уже созрели для далеко идущих операций в этом отношении». В то же время, явно руководствуясь не только научными фактами, но, вероятно, и патриотическими убеждениями, П. Г. Виноградов убежденно заявлял о необходимости новых территориальных приращений для России: «Включение Восточной Галиции и части Буковины в состав России, а также Западной Галиции в состав Польши под русским покровительством является довольно беспорядным» [3, с. 349].

Некоторые идеи П. Г. Виноградова о *геополитическом устройстве послевоенной Европы* оказались абсолютно ошибочными: «Не следует надеяться на создание нового южного славянского королевства и на освобождение чехов: это полно-

стью зависело бы от насильственного разрушения Австро-Венгерской монархии, чего едва ли можно достичь действиями сил, вовлеченных в нынешний конфликт» [3, с. 349]. Как известно, с окончанием Первой мировой войны перестала существовать многонациональная Австро-Венгерская империя, а на ее месте образовались новые суверенные государства, в том числе независимые Чехословакия и Югославия.

Другие идеи Виноградова нашли лишь частичное выражение в Версальско-Вашингтонской системе. Историк мечтал о *пацифизме, демократическом контроле над международными отношениями*, который, по его мнению, могли обеспечить сильные военные альянсы на службе мирового третейского суда: «Международный суд в Гааге, имеющий поддержку в виде комбинированных сил и совместных действий, скажем, Британии, России, Франции, Италии и США, может стать эффективным инструментом мира» [3, с. 351]. К сожалению, как известно, Лига наций, созданная после Первой мировой войны [19, 20, 21], так и не смогла эффективно решить все международные проблемы, особенно в 1930-е гг.

Кроме основных участников противостояния, в 1914–1915 гг. историки «русской школы» уделяли значительное внимание Италии – будущему союзнику Антанты. М. М. Ковалевский раскрывал обстоятельства будущего вступления этой страны в войну, освещая борьбу двух противоборствующих блоков за Италию: «Италии за сохранение нейтралитета две центральные империи сулят уступку, если не Триеста, то Трентина, а тройственное согласие обещает, в случае активного выступления, и полное удовлетворение, по крайней мере, за счет Австрии, всех ее национальных вождельней» [10, с. 550]. П. Г. Виноградов высказывался в отношении возможных территориальных приращений Италии достаточно жестко, считая некоторые ее территориальные претензии потенциальным источником конфликта: «Приобретение Италией Далмации приведет к новым раздорам между славянами и итальянцами» [3, с. 349]. Аналогичную позицию занимал по этому вопросу и Н. И. Кареев, написав специальную работу «об итальянских притязаниях на Далмацию», в которой доказывал, что «у Италии нет никаких прав на эту страну и что, наоборот, есть резоны географические, этногеографические и экономические для сохранения за собою хорватами не только Фиуме, но даже и Триеста». Однако, стремление Н. И. Кареева к научной и исторической объективности натолкнулось на

ангажированность власти: на его брошюру наложило вето Министерство иностранных дел «как на несогласную с видами правительства» [8, с. 261].

Подводя итоги, следует сказать, что при осмыслении Великой войны 1914–1918 гг. историки «русской школы» делали акцент на долговременных факторах мирового конфликта, декларируя такие причины и предпосылки войны, как империализм центральных держав германо-австрийского блока, амбициозный и агрессивный характер немецкой внешней политики, слабость гражданского общества европейских стран, ментальные противоречия России и Германии, французский реваншизм, российские геополитические амбиции, германская промышленная и торговая экспансия, английский консерватизм и зависть, складывание предвоенных союзов великих европейских держав. В контексте основного содержания рассмотренных текстов развертывался либерально-патриотический дискурс представителей «русской исторической школы» в 1914–1916 гг., который включал моделирование различных сценариев завершения мирового конфликта, конструирование по принципу антитезы образа врага (агрессивной Германии и коварной Австро-Венгрии) и альтруистического образа России и ее союзников, мечты о конституционном устройстве Российской империи, принцип свободы политического самоопределения наций, мысли о справедливом геополитическом устройстве послевоенной Европы, идеи пацифизма и демократического контроля над международными отношениями. Пожалуй, ключевой и объединяющей идеей текстов всех трех рассмотренных историков «русской школы» было увязывание победы Антанты и России в войне с торжеством либеральной идеологии и демократических ценностей в Европе и в собственном Отечестве. Либеральные и гуманистические ценности историков «русской школы» причудливо переплетались в их повествовании с общим патриотическим подъемом начала войны и германофобией, характерными для российского общества, в том числе и интеллектуальной элиты, к которой относились рассматриваемые историки. Можно сказать, что в публикациях историков произошел синтез либерального и патриотического нарратива. Таким образом, тенденциозность и определенный субъективизм был, безусловно, присущ рассматриваемым представителям «русской исторической школы» в анализе предпосылок Пер-

вой мировой войны, сценариев ее развития и последствий.

Библиографический список

1. Асташов, А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны [Текст] / А. Б. Асташов. – М.: РОССПЭН, 2012. – 254 с

2. Базанов, С. Н. За честь и величие России. Забытая война [Текст] / С. Н. Базанов. – М.: Территория будущего, 2011. – 192 с.

3. Виноградов, П. Г. Причины войны [Текст] / П. Г. Виноградов // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 342–351.

4. Виноградов, П. Г. Россия и «Армагеддон» [Текст] / П. Г. Виноградов // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 305–376.

5. Ермаков, А. М. Становление концепции истории Первой мировой войны в российских школьных учебниках (1992–1995 гг.) [Текст] / А. М. Ермаков // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 113–119.

6. Кареев, Н. И. Прошлое двух союзов европейских держав [Текст] / Н. И. Кареев // Вопросы мировой войны. Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Н. Милуков и др. – Пг., 1915. – С. 20–47.

7. Кареев, Н. И. Польский вопрос в исторической литературе [Текст] / Н. И. Кареев // Вопросы мировой войны [Текст] / Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Н. Милуков и др. – Пг., 1915. – С. 61–85.

8. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н. И. Кареев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 384 с.

9. Ковалевский, М. М. Моя жизнь [Текст] / М. М. Ковалевский. – М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.

10. Ковалевский, М. М. Национальный вопрос и империализм [Текст] / М. М. Ковалевский // Вопросы мировой войны [Текст] / Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Н. Милуков и др. – Пг., 1915. – С. 549–561.

11. Кочешков, Г. Н., Новиков, М. В., Никифоров, Ю. С., Федюк, В. П. и др. Русские генералы в Белграде: биографические очерки [Текст] / Г. Н. Кочешков, М. В. Новиков, Ю. С. Никифоров, В. П. Федюк и др. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 163 с.

12. Кищенко, М. С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии [Текст] / М. С. Кищенко // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1–2. – С. 61–65.

13. Никифоров, Ю. С. Историки «русской школы» в эпоху Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [Текст] / Ю. С. Никифоров // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. 1. – С. 54–59.

14. Павлов, А. Ю. Скванные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / А. Ю. Павлов. – СПб., 2008. – 202 с.

15. Сергеев, Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны [Текст] / Е. Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 3–16.

16. Соколов, А. Б. Введение в современную западную историографию [Текст] / А. Б. Соколов. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. – 132 с.

17. Уткин, А. И. Первая мировая война [Текст] / А. И. Уткин. – М., 2002. – 264 с.

18. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991) [Текст] / Э. Хобсбаум. – М., 2004. – 212 с.

19. Ходнев, А. С. К 90-летию Версальского мира и создания Лиги наций [Текст] / А. С. Ходнев // Преподавание истории в школе. – 2009. – Т. 6. – С. 40–43.

20. Ходнев, А. С. Окончание Первой мировой войны и создание Лиги наций [Текст] / А. С. Ходнев // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2008. – № 8. – С. 1–13.

21. Ходнев, А. С. Великая война 1914–1918 годов и социокультурный хронотоп появления Лиги Наций [Текст] / А. С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 119–124.

22. Шаццлло, В. К. Последняя война царской России [Текст] / В. К. Шаццлло. М.: РОССПЭН, 2010. – 198 с.

23. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 [Текст] / F. Fischer. – Dusseldorf, 1961.

Bibliograficheskii spisok

1. Astashov, A. B. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voyny [Tekst] / A. B. Astashov. – M.: ROSSPEN, 2012. – 254 s

2. Bazanov, S. N. Za chest' i velichie Rossii. Zabytaia voina [Tekst] / S. N. Bazanov. – M.: Territoria budushchego, 2011. – 192 s.

3. Vinogradov, P. G. Prichiny voiny [Tekst] / P. G. Vinogradov // Rossiia na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i. – M.: Territoria budushchego, 2008. – S. 342–351.

4. Vinogradov, P. G. Rossiia i «Armageddon» [Tekst] / P. G. Vinogradov // Rossiia na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i. – M.: Territoria budushchego, 2008. – S. 305–376.

5. Ermakov, A. M. Stanovlenie kontseptsii istorii Pervoi mirovoi voiny v rossiiskikh shkol'nykh uchebnikakh (1992–1995 gg.) [Tekst] / A. M. Ermakov // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2014. – T. 1. – № 2. – S. 113–119.

6. Kareev, N. I. Proshloe dvukh soizov evropeiskikh derzhav [Tekst] / N. I. Kareev // Voprosy mirovoi voiny. N. I. Kareev, M. M. Kovalevskii, P. N. Miliukov i dr. – Pg., 1915. – S. 20–47.

7. Kareev, N. I. Pol'skii vopros v istoricheskoi literature [Tekst] / N. I. Kareev // Voprosy mirovoi voiny [Tekst] / N. I. Kareev, M. M. Kovalevskii, P. N. Miliukov i dr. – Pg., 1915. – S. 61–85.

8. Kareev, N. I. Prozhitoe i perezhitoe [Tekst] / N. I. Kareev. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. – 384 s.
9. Kovalevskii, M. M. Moia zhizn' [Tekst] / M. M. Kovalevskii. – M.: ROSSPEN, 2005. – 784 s.
10. Kovalevskii, M. M. Natsional'nyi vopros i imperializm [Tekst] / M. M. Kovalevskii // Voprosy mirovoi voiny [Tekst] / N. I. Kareev, M. M. Kovalevskii, P. N. Mil-iukov i dr. – Pg., 1915. – S. 549–561.
11. Kocheshkov, G. N., Novikov, M. V., Nikiforov, Iu. S., Fediuk, V. P. i dr. Russkie generaly v Belgrade: bi-ograficheskie ocherki [Tekst] / G. N. Kocheshkov, M. V. Novikov, Iu. S. Nikiforov, V. P. Fediuk i dr. – Iaroslavl': Izd-vo IaGPU, 2012. – 163 s.
12. Kishchenkov, M. S. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny v Iaroslavskoi gubernii [Tekst] / M. S. Kishchenkov // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2010. – № 1–2. – S. 61–65.
13. Nikiforov, Iu. S. Istoriki «russkoi shkoly» v epokhu Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [Tekst] / Iu. S. Nikiforov // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2014. – № 2. – T. 1. – C. 54–59.
14. Pavlov, A. Iu. Skovannye odnoi tsep'iu. Strategicheskoe vzaimodeistvie Rossii i ee soiuznikov v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) [Tekst] / A. Iu. Pavlov. – SPb., 2008. – 202 s.
15. Sergeev, E. Iu. Aktual'nye problemy izucheniia Pervoi mirovoi voiny [Tekst] / E. Iu. Sergeev // Novaia i noveishaia istoriia. – 2014. – № 2. – S. 3–16.
16. Sokolov, A. B. Vvedenie v sovremennuiu zapadnuiu istoriografiu [Tekst] / A. B. Sokolov. – Iaroslavl': Izd-vo IaGPU, 2002. – 132 s.
17. Utkin, A. I. Pervaia mirovaia voina [Tekst] / A. I. Utkin. – M., 2002. – 264 s.
18. Khobsbaum, E. Epokha krainostei: korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991) [Tekst] / E. Khobsbaum. – M., 2004. – 212 s.
19. Khodnev, A. S. K 90-letiiu Versal'skogo mira i sozdaniia Ligi natsii [Tekst] / A. S. Khodnev // Prepodavanie istorii v shkole. – 2009. – T. 6. – S. 40–43.
20. Khodnev, A. S. Okonchanie Pervoi mirovoi voiny i sozdanie Ligi natsii [Tekst] / A. S. Khodnev // Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniia v shkole. – 2008. – № 8. – S. 1–13.
21. Khodnev, A. S. Velikaia voina 1914–1918 godov i sotsiokul'turnyi khronotop poiavleniia Ligi Natsii [Tekst] / A. S. Khodnev // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2014. – T. 1. – № 2. – S. 119–124.
22. Shatsillo, V. K. Posledniaia voina tsarskoi Rossii [Tekst] / V. K. Shatsillo. M.: ROSSPEN, 2010. – 198 s.
23. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 [Tekst] / F. Fischer. – Dusseldorf, 1961.